

ПРИЗРАКИ НАРКОЛОГИИ

Косые лучи закатного солнца беспрепятственно и привычно вошли в ничем не защищённые проёмы старинного полуразрушенного изнутри пожаром двухэтажного здания. И оно на миг оживилось, наполнилось тёплым золотистым свечением так радостно и плотно, что оно выплёскивалось наружу и изумляло запоздалого прохожего. Здание, на совесть сложенное мастерами девятнадцатого века, чьи имена давно стёрлись из памяти горожан, было красиво и благородно даже в своём разрушении. Кладка красного кирпича настолько добротна сработана, что ни время, ни два пожара, один за другим возникавших в начале двадцать первого века, не смогли её разрушить. И теперь в свете таинственном, закатном, были видны обугленные доски, внутренние стены с нелепыми пятнами вывалившейся штукатурки, хаос разрушения и запустения.

Свет не был ровным, всё время менялся, и казалось, в окнах второго этажа мелькают чьи-то причудливые тени. Может быть, людские, может, странных существ, и одно было ясно: здание не умерло, оно живёт своею памятью.

Известно, что в самом начале своей жизни оно было казённым винным складом сибирского уездного городка. После его этажи заселили больные таряне. И вместе с докторами и медсёстрами оно сострадало и лечило, вбирало в себя чужие муки и радости в случае выздоровления очередного пациента. Но однажды всё вернулось на круги своя. Винные склады через 100 лет стали наркологическим отделением больницы. То, что вначале вызревало и хранилось за толстыми стенами добротной кладки, то, что должно было нести радость и расслабление, выросло в страшного монстра и больше не хотело подчиняться правилам.

Всё вокруг менялось. Вот уже исчез Советский Союз, и все вновь оказались в России, хоть здание не сдвинулось с места ни

на сантиметр. Но люди умирали и приходили новые, и сейчас обитатели второго этажа были одинаково страшны. Воспалённый алкоголем мозг, с изменённым восприятием, порождал страшные картины, образы, звуки, которые не всегда можно было назвать земными. Изгнанные с помощью бессменного доктора Людмилы, эти образы не могли уйти в никуда и оставались здесь навсегда, благо им было где укрыться. Множество огромных комнат с белёными высокими потолками, причудливый подвал с вечно тёмными углами. Такие же тёмные лестницы с каменными истёртыми ступенями и переходы – всё это известные места обитания призраков.

Каждый кирпичик здания помнит и может рассказать свою, именно ему запомнившуюся историю, полную горя и боли. И когда дьявольская сила разрушения окончательно развалит и сотрёт с больничной территории этот ставший вдруг ненужным дом, населяющие его призраки разлетятся по свету в поисках пристанища. И кто знает, где ты встретишься с ними вновь...

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Галка опять опаздывала на работу. Стрелки часов ехидно сошлись на семи часах, когда она взлетала по истёртым каменным ступеням. Эти ступени, конечно, помнили властный шаг купца Щербакова и, может быть, лёгкую поступь его жены, но ей сейчас было не до исторических измышлений. Галка опаздывала на ночное дежурство. Позади был непростой день, множество событий семейных, не очень гладких, заставили поволноваться и переживать. Новая жизнь, растущая в ней, как-то особенно ощутимо давала о себе знать, упираясь, скорее всего ножкой, куда-то в правое подреберье и причиняя боль.

Принимая дежурство у дневной медсестры, внутренне ахнула. Изолятор – комната с ажурной решёткой вместо двери, отделяющей опасное безумие от общего коридора, – был полон. Все четыре кровати занимали туго спелёнатые путами «свежие

белогорячечные» пациенты. Пока выполняла назначения врача, ставила уколы, системы, пришло время глубокой ночи. Отделение угомонилось, уснули выздоравливающие, сладко похрапывали в дальней палате «социальные» старички, в глубоком медикаментозном сне бормотали пациенты в изоляторе. И только теперь можно было сесть за стол на посту, перед этим самым изолятором, чтобы заняться бумажной работой.

Вновь в памяти всплыла дневная ссора с мужем. В ответ на её, может быть, излишне раздражённые слова он запустил тарелку с макаронами и котлетой в стену. На радостных, розовых в мелкий цветочек обоях растеклось некрасивое, бурое от подливы пятно. А осколки тарелки мягко шмякнулись в горку жирных макарон. Даже теперь от этих воспоминаний навернулись слёзы. И сразу же малыш в её чреве забарахтался, забеспокоился и стал толкаться всеми своими семи-месячными силенками.

В изоляторе зашевелился и неуклюже встал с кровати с провалившейся сеткой уже расфиксированный больной. Как-то спокойно и мрачно надвинулся, огромный, наверное, стокилограммовый, с тёмной фигурой, к самой решётке и стал вполне разумно просить выпустить его в туалет. Казался вполне адекватным. Галка, тяжело поднявшись со стула, сделала пару шагов навстречу, сняла замок, открыв ему путь на волю. Прошла в глубь изолятора, прислушалась к бессвязному бормотанию одного, тихому ровному дыханию другого, поправила подушку третьему. Когда вышла в коридор, «грузный» уже скрылся за дверью туалета. Двинулась вслед, но отвлеклась, подошла на жалобный оклик «безногого» из второй палаты, успокоила, подала стакан воды. Дверь туалета, вопреки правилам отделения, была закрыта изнутри. На Галкины вопросы и требование открыть дверь «грузный» не отвечал. И только странные шорохи всё больше разжигали её тревогу и беспокойство. С помощью разбуженных шумом выздоравливающих выбили защёлку на ветхой двери и испуганно отпрянули. «Грузный» изловчился привя-

зать к нелепо торчащему в стене под самым потолком крюку самодельную верёвку из связанных пут для фиксации буйных пациентов. И теперь дергался, повиснув в серой мягкой петле, и хрипел.

Время остановилось. Подскочила, подняла, не думая о большом весе человека, о его мокрых штанах, к которым пришлось прижаться щекой. И держала, пока кто-то из выздоравливающих сбегал за ножом в палату и перепилил толстую ткань пут. Путы в такие отделения шьются из той же ткани, что и вафельные полотенца. И эта шереховатость сейчас и спасла жизнь «грузному». Всё произошло слишком быстро, и дополнительных мер помощи пациенту не потребовалось. Только Галка бессильно осела прямо на мокрый вонючий пол мужского туалета.

В палате под подушкой нашли прощальную, совершенно бредовую предсмертную записку. А через несколько дней «грузный» поправился и постарался вычеркнуть навсегда из своей памяти события той ночи.

И почему алкогольный психоз называют «белой горячкой»? Поступки-то совершаются явно с тёмным оттенком. Галка через пару недель ушла в декретный отпуск и до самого рождения сына беспокоилась и переживала, как скажется та безумная ночь на здоровье малыша.

ТУФЕЛЬКИ

Детская память очень избирательна, и никогда не знаешь заранее, что сразу уйдёт безвозвратно, а что будет всплывать во времени, периодически тревожа и бередя душу. Эта история, рассказанная мне уже взрослой и вполне самостоятельной женщиной, относится именно к таким тревожным воспоминаниям.

«Родители пили, сколько их помню. Пили вместе и врозь, дома и на скотном дворе, где работали какое-то время. Мы, дети, вели, как могли, домашнее хозяйство. Вначале во дворе всякой живности было много и до самой школы дел у нас хватало. Первого сентября возвращение к размеренной школьной жизни

для всей деревни было событием. Мама и бабушки, наряженные и весёлые, провожали своих чад до классов и хвалились друг перед другом, где и за сколько купили вещи для своих школьников. Мои сверстницы крутились друг перед другом в обновках, пританцовывали в новых туфельках. Я испытала жгучий стыд и какую-то тоску, впервые осознав свою непохожесть на других. Тем, что и мамы рядом нет, и тем, что блузка моя с прошлого года стала плохо застёгиваться на груди, и на ногах истрепавшиеся за лето китайские розовые шлёпки. Обида прорвалась горькими слезами, когда, дождавшись окончания школьного дня, я полетела к матери и нашла её в обычном пьяном состоянии, с какими-то мужиками отмечающую первое сентября за бутылкой самогона. Поняла мою беду соседка и позвала с собой за брусникой на болото, обещав помочь продать ягоду на тарском базаре.

Ранним субботним утром мы двинулись на болото. Долгая дорога пешком была не в тягость. Я всё время представляла, как я уже в понедельник приду в класс в новых туфельках и все девчонки ахнут от зависти, глядя на мою обновку. Ягод было не много, болотная вода почти залилась в мои старенькие сапожки и противно чавкала при каждом шаге. Пятки стёртые горели огнём. откуда-то налетели комары и кусались, видимо, предчувствуя последнее пиршество перед зимой. И было очень страшно от одной мысли, что где-то на кочке свернулась, поджидая меня, змея. Соседка строго предупредила, чтоб я ходила рядом и не потерялась. Но потеряться было невозможно. Едва я склонялась к ягоднему островку, белый платок на её голове уплывал далеко и терялся меж стволов чахлах берёзок. Время, весёлое в начале, замедлилось и во второй половине дня совсем превратилось в тягучую смесь усталости, страха потеряться, наступить на змею и сожаления, что ягод-то не так и много.

Добрая соседка досыпала моё ведёрко доверху, когда мы всё-таки вернулись из похода. И, засыпая, я ощущала на своих ногах новые туфельки. Сквозь сон я слышала визгливый смех пьяной матери, дружный гогот её гостей, по-видимому, им посчастливилось в этот вечер раздобыть выпивку. Воскресный день, как слайды, помнится отдельными событиями. Но самое главное случилось! Я ехала домой в полуобморочном состоянии, уставшая от мелькания людей и смены событий, прижимая к груди коробку с новыми туфельками. Они были прекрасны. Цветочки на тёмно-синем носочке переливались и сверкали пайетками. Россыпь стразиков и крохотный каблучок превращали их в туфельки сказочной принцессы. Матери дома не было, и я без лишних вопросов, уснула, едва коснувшись головой подушки. И мне ничто не могло помешать – ни уже ставший привычным пьяный шум родителей; ни их ссоры, ни их примирения, заканчивающиеся громкими криками и пением.

Утро понедельника встретило меня тишиной в доме и весёлым чириканьем воробьёв за окном. Родители спали прямо за столом, на котором остатки еды и пустые бутылки подтверждали удачные поиски денег с вечера. Коробка из-под туфелек стояла в центре, но туфелек в ней не было. Мать, которую я пыталась растолкать, что-то бормотала о самогонщице, о её жадности и что-то ещё, но мне всё уже стало понятным: на что был куплен самогон и с какой радости сладко похрапывают родители, источая смрадный, тяжёлый дух перегара. И почему-то расплывающимся розовым пятном у порога поджидали меня ненавистные китайские шлёпки...

С тех пор всё пережилось и изменилось, давно окончена школа и выстроена жизнь. Да и обиды на мать не осталось. Но каждый год первого сентября, когда я провожаю своих детей в школу, саднящей занозой в сердце всплывает эта старая история из моего детства».